
Даурания Торн
Фамильяры Тёмного Шпиля
кн.1
ФАМИЛЬЯРЫ ТЁМНОГО ШПИЛЯ
кн.1

Даурания Торн

Фамильяры Тёмного Шпиля. кн.1

«Автор»
2026

Торн Д.

Фамильяры Тёмного Шпиля. кн.1 / Д. Торн — «Автор», 2026

Я умер на станции, где изучал животных, от которых все отказались. И проснулся младшим сыном обедневшего рода — лишним, слабым, которого семья отправляет в академию для изгоев, чтобы не позорил.Здесь нет места жалости. На распределении мне достаётся окаменелое яйцо, признанное мёртвым, и зал смеётся. Смеётся Вельт, сын лорда, со своим боевым ящером. Смеются все, кроме старого наставника Орна. Мои друзья здесь такие же: у Грома — камень, у Лиры — мотылёк, у Кая — зверёк, который жрёт всё подряд.В первую же неделю яйцо трескается. Из него выходит не боевой зверь и не красавец — панцирный ящерок с зачатками крыльев, который ест магию и не собирается слушаться. Я называю его Ноль. С нуля.Теперь у меня семестр, трое друзей-изгоев, турнир, где проигравших отчисляют, и один вопрос: почему за моим мёртвым яйцом уже кто-то пришёл?Дорогие читатели, поддержите автора отзывами и донатами. Каждый ваш отклик даёт автору желание двигаться дальше.

© Торн Д., 2026
© Автор, 2026

Фамильяры Тёмного Шпиля. кн.1

Даурания Торн
Фамильяры Темного Шпиля. кн.1

Глава 1

Квартальный отчёт по сектору «К» я так и не сдал. Это, пожалуй, единственное в моей смерти, что меня по-настоящему радует.

Сирена на станции воет двумя нотами вверх и двумя вниз. Её писали так, чтобы она будила даже того, кто уснул после ночной смены на полу в обнимку с термометром, и с этой задачей она справляется. Я слышал её восемь лет, знаю наизусть и всё равно каждый раз вздрагиваю.

В этот раз она воет по-настоящему.

Сектор «К» заливает красным. Вольеры стоят вдоль стены, двенадцать штук, за стеклом мои подопечные: два аксолотля с обкусанными хвостами, слепой варан, три лягушки, которых списали из трёх разных коллекций с формулировкой «неперспективные».

Неперспективные. Я всегда говорил, что это слово придумали люди, которым лень смотреть.

В динамике трещит и оживает голос. Женский, злой, знакомый.

— Кто остался в секторе «К»? Ответьте немедленно.

— Сектор «К», — говорю я.

— Сколько вас?

— Один.

— Почему один?

— Потому что остальные выполнили регламент.

Пауза. Потом, тише:

— Закрой дверь сектора и иди к шлюзу. Немедленно. Выброс из энергоблока, у тебя две минуты.

Две минуты. Я смотрю на вольеры.

В инструкции написано: при выбросе закрыть дверь сектора и уйти. Инструкцию писал человек, который ни разу не держал в руках аксолотля. В секторе минус, потому что это склад холодноводных. Если отключится отопление, вода остынет, и через час у меня будет двенадцать стеклянных банок с плавающими тварями, которых никто не будет оплакивать, кроме меня, и то потому, что отчёт по ним писать всё равно мне.

— Я закрываю, — говорю я в динамик и закрываю не дверь сектора, а дверь, ведущую к пульту.

Потому что от пульта до шлюза — тридцать метров, а от пульта до вольеров — шесть.

— Что ты делаешь?

— Выполняю регламент.

— Ты не выполняешь регламент.

— Я выполняю другой регламент, — говорю я. — Тот, который про животных. Его тоже когда-то писали.

Она что-то говорит ещё, но я уже не слушаю. Пальцы на пульте скользят. Первый рычаг идёт туго, второй заедает, и я бью по нему ладонью, потому что по-другому он не понимает. Свет в вольерах гаснет, зато включается резервный обогрев: тонкий писк из-под пола, как будто где-то очень далеко пищат мыши.

Аксолотли в мутной воде поворачивают головы. Слепой варан прижимается к стеклу мордой, там, где тепло, и от этой картины у меня внутри что-то становится на место.

— Ну всё, — говорю я ему. — Живи, скотина.

Стена перестаёт гудеть. Становится тихо, и эта тишина мне не нравится куда больше сирены.

Потом приходит свет.

Не красный. Белый, без тени, без края, как будто кто-то вывернул наизнанку само небо. Он бьёт из стены, оттуда, где энергоблок, и в этом свете я успеваю увидеть свои руки на стекле, желтоватую плёнку на воде, варана, который смотрит прямо сквозь меня.

Дальше не больно. Дальше просто очень много всего сразу: запах горячей изоляции, вкус металла на зубах, чей-то далёкий голос по громкой связи, который повторяет одно слово, и я даже не разбираю какое.

Я успеваю подумать две вещи. Первая: «Ну хоть варана вытащил». Вторая: «Отчёт всё равно не сдам».

* * *

Просыпаться после смерти неудобно.

Первое, что я понимаю, это то, что мне холодно. Второе — что я лежу на чём-то жёстком, и это жёсткое пахнет пылью и воском. Третье — что у меня болит всё, чего у меня раньше не было.

Потолок надо мной деревянный, с трещиной от угла до середины, и в трещине кто-то аккуратно заделал щепку. Я смотрю на эту щепку довольно долго: больше смотреть не на что, а думать пока страшно.

Потом я всё-таки думаю.

Значит, свет. Значит, не шлюз и не госпиталь. Значит, не станция, потому что на станции нет деревянных потолков и не бывает щепок в трещинах.

Значит, я не умер, потому что мёртвым не бывает так холодно в ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.